

Замир ТАРЛАНОВ

г. Петрозаводск

Неслучайные случайности

Если собрать воедино хотя бы малую часть того, что видишь, чему невольным свидетелем становишься сам, то получится некое собрание случайностей, которые в самом деле и при внимательном рассмотрении окажутся совсем неслучайными. Эти неслучайные случайности обернутся красноречивыми свидетельствами, которые будут, безусловно, о чем-то напоминать, что-то воскрешать во всепоглощающей памяти и даже обобщать какие-то жизненные ситуации, так или иначе отражая и точку зрения непосредственного или опосредованного участника этих событий.

То, о чем пойдет речь дальше, — результат такого рода стараний коллекционера случайностей жизни.

В жизни, как сказал мудрец, всему есть место.

У составляющих этого «всего» есть свои защитники и противники, свои философы и гимносласгатели, свои гении и бездари, свои герои и подлецы.

Жизнь — высшая ценность. Так принято говорить. Может быть, так и есть. Но она же и сволочь, поскольку принимает и терпит все, включая и то, чему не должно быть в ней места. Для кого она рай, для кого — ад, а для кого — бог знает что.

Жизнь позволяет своим обитателям растоптать героя и возвысить ничтожество. Нарушать клятвы и отказываться от родителей и детей в зависимости от каких-то обстоятельств. Быть неблагодарным в ответ на добро. Избирательно относиться даже к тому, что считается сферой беспрекословно божественной, возвышенной...

Такая это штука, жизнь. Все говорят о ней как будто об одном и том же, но в действительности каждый имеет в виду нечто свое.

Чего в ней больше? Добра или зла?

Хотелось бы все же, чтобы больше было добра. Пусть так и будет.

Невидимая война

Тла война. Как говорили взрослые, самая страшная и беспощадная.

Мы, дети четырех-пяти лет, не знали, когда и почему она началась.

О войне знали только то, что немногословно говорили о ней взрослые. А взрослые говорили о ней почти постоянно. При этом женщины обычно плакали.

В нашей жизни она проявлялась по-разному. И тем, что мы тоже часто играли в войну, разделившись на «наших» и «не наших». И в этих играх всегда побеждали «наши».

Хотя саму настоящую войну мы и не видели, но признаки ее, ее присутствие в нашей жизни чувствовали каждый день.

Главным из них был голод. Очень часто хлеба не видели и не пробовали подолгу. Ели все, что попадалось в руки. Случайному кусочку жмыха радовались, как манне небесной.

Весной спасались дикорастущей зеленью: крапивой, которую размельчали, слегка посыпали солью и ели, либо, залив водой, варили, затем выжимали и ели опять-таки с солью. Спасались также черемшой, мятой, щавелем, дикорастущим чесноком, полынью и всякими иными травами, которые содержали необходимые организму вещества.

Ранней же весной заостренными палками, кирками, лопатами — кто чем располагал — выкапывали корни разных растений и питались ими, при этом многие нешуточно травились. Самый опасным считался корень белены, который был трудноотличим от корней съедобных растений.

Людей, в том числе и детей ближе к подростковому возрасту, иногда по утрам обнаруживали мертвыми на улицах. Умирали от голода. Находили их опухшими.

По вечерам представители местной власти ходили по домам и предупреждали, чтобы окна не светились. Строго следили за светомаскировкой во избежание бомбардировок.

Мам мы почти не видели. Они с утра до позднего вечера работали на колхозных полях. Они и пахали на быках, и сеяли, и жали, и косили, и молотили... Исключение составляла зима, когда все могли быть дома.

Летом и осенью, возвращаясь с работы, женщины всегда пели песни.

Вера в завтрашний день не была подорвана.

Верили и в скорое окончание войны.

Мы почти всегда, даже зимой по снегу, бегали босиком: обутыми могли быть только сверстники из семей местных начальников.

В школе писать было не на чем и нечем.

На классной доске писали углем. На черном фоне черные буквы, написанные углем, часто были трудноразличимы, особенно к вечеру во вторую смену.

Тетрадей, как и карандашей, почти не было.

Решения примеров и задач, заданных на дом, записывали на неполных страницах учебников, у кого они были.

Чернила делали из копоти, которая плохо растворялась в воде, но какие-то очертания написанного можно было все же видеть.

Почти каждый день кого-то из убитых на фронте женщины оплакивали ритуальными плачами. Об убитых узнавали по «похоронкам».

При этом ожесточения в людях не улавливалось. Друг другу пытались помочь чем могли. Надежда чувствовалась во всем и неколебимо.

Такова была жизнь в долгую невидимую войну.

Ожидание без конца

— **Т**еперь твоя очередь пойти посмотреть, идет ли отец, — сказал мне брат.

И я побежал с радостью.

Так мы раз десять в день выходили на дозор, откуда достаточно далеко просматривалась дорога из районного центра в село. По ней отец должен был вернуться с войны, на которую его взяли в самом начале второго года после ее начала и с которой он обещал вернуться скоро.

Так как другого дела у нас не было, то выходили на дозор чуть ли не каждые полчаса.

Увидев с места наблюдения вдали мужскую фигуру, с радостью ждали, пока она не приблизится настолько, чтобы можно было разглядеть, отец это идет или нет.

Иногда приходилось поджидать до приближения фигуры на такое расстояние, на которое нас заставляли бегать на уроках физкультуры: было не различить, кто же идет.

И так каждый день до вечера, если время было не зимнее, до той поры, пока не надо было идти встречать сначала теленка, потом корову, которых пастухи пригоняли домой вечером.

А когда мама в сумерки возвращалась с колхозной работы с большой ношей на спине (так готовили сено на зиму), то рассказывали ей, сколько раз каждый из нас ходил встречать папу, но напрасно.

— Вернется, вернется, дети мои. Может быть, завтра, послезавтра, но вернется. Пусть бог увидит нас и пожалеет, — говорила она каждый раз.

А мы вместе с сестрами, которые подключились к нам позже, когда подросли, поочередно несли такое дежурство на дозоре долго, до самого конца войны.

Война кончилась.

Некоторые уже возвращались с войны кто на костылях, кто без руки, кто без глаза, а кто и совершенно здоровым, в красивой военной форме с полосатыми погонами, украшенными звездочками. На таких смотреть было приятно, а других было жалко.

Я как-то слышал, как мама говорила в разговоре с соседкой: «Пусть без рук, без ног, лишь бы вернулся. Наравне с четырьмя детьми я и его прокормлю».

Но отец не вернулся.

Потом сказали, что он пропал без вести.

Что значит пропасть без вести, я не понимал.

И в разговорах с ребятами никогда таких слов не произносил.

Мне казалось, что в них есть что-то обидное и несправедливое.

Разве люди могут пропасть без вести? — думал я.

Вдруг сжалится

Война, может быть, близилась к концу. Но никто не знал, когда она кончится, хотя все надеялись, что вот-вот наступит мир.

Страшнее всего были голод и нищета. Голодали все, кроме колхозного и вообще сельского начальства.

Пришла очередная свирепо голодная весна. Мы с соседским мальчиком иногда отправля-

лись к колхозному складу, который размещался в огромном старинном помещении с двумя рядами колонн.

В прошлом это была, как говорили, Большая, или Головная, мечеть.

Пространство между колоннами в ней предназначалось для мужчин и женщин, которые должны были располагаться во время молебна раздельно.

В стены здания с внешней стороны были вставлены сравнительно большие плиты, расписанные арабской вязью священных текстов.

Такая же роспись украшала верхнюю часть и боковые стены парадных ворот.

С восточной стороны над зданием возвышался минарет, взойти на который можно было только изнутри помещения. Очень красиво сложенная стена плавно переходила в круглую форму основания и средней части минарета, которые затем опять причудливо переходили в ровную стену.

В углублении, образованном выступавшим вперед основанием минарета, хранились ритуальные принадлежности — носилки с покрывалом, перевязочная широкая лента, которой обматывали носилки с покойником, желобообразная скамейка, использовавшаяся для обмывания умерших.

Мы боялись этих предметов и обычно обходили эту сторону здания.

Словом, все в этом здании свидетельствовало о его изначальном предназначении.

Теперь здесь располагался колхозный продовольственный склад, который, кстати, не отличался богатством.

У входа справа стояли бочки с коровьим сыром, чуть подальше — с овечьим, который ценился больше.

И еще какие-то бочки.

В конце ряда бочек была небольшая куча кукурузных початков.

Еще дальше — небольшие кучи ячменя и яровой ржи.

Я это точно видел сам — ловко высмотрел и слышал, что говорилось, когда каким-то людям с бумажками отпускаясь тот или иной продукт, как повторяли не раз, в аванс.

Заведующий складом нас не пускал внутрь. Как только входили в помещение, тотчас же

выгонял назад, говоря: «Идите домой, не мешайте работать!»

А работы у него, нам казалось, не было никакой.

Мы-то хотели совсем немногого: по початку кукурузы или чего-нибудь другого, что можно было бы принести домой, чтобы утолить жажду голода у всех, кто оставался дома, и собственную тоже.

Прошло полдня. Кладовщик ушел на обед.

Мы продолжали ждать.

Кладовщик вернулся сытый и довольный. Это было видно.

На нас не обратил никакого внимания.

Мы продолжали ждать.

Наступил вечер.

Мы, надеясь бог знает на что, упорно продолжали ждать.

Тщетно.

Кладовщик, тихо, без слов подпевая какую-то песенку, закрыл ворота, навесил на них большой амбарный замок и энергичным движением ключа замкнул его и удалился, не проронив ни слова.

Ждать чего-то дальше не было смысла.

Пошли домой и мы, бессмысленно простояв весь день до вечера.

Убийство

С раннего летнего утра все взрослые жители села были потрясены ужасающим событием — убийством молодого энергичного колхозного полеводческого бригадира, которое, как говорили, случилось накануне ночью.

Бригадир был единственной радостью, надеждой и опорой в жизни для старушки матери. Больше у нее не было никого.

Все люди любили бригадира не только за его доброту, отзывчивость, веселый, жизнерадостный нрав, но и за его неподкупность и безукоризненную честность.

Убийство было совершено у самого въезда в село около полуночи. Оно носило явственные следы особой жестокости и садизма. Чтобы запугать близко живущих людей и тем самым исключить возможность появления случайных свидетелей, убийцы сделали несколько

выстрелов, одним из которых в голову был сражен молодой бригадир.

Над умирающим, как свидетельствовали многочисленные следы на теле, издевались. На теле не было живого места. Оно было сплошь обезображено ударами ножа. Следы острых предметов отчетливо просматривались даже под ногтями.

То, что осталось от молодого человека, в тот же день похоронили, как это было принято в тех местах.

Само убийство приписали неким бесконтрольным бандитам военного времени.

И дело замяли.

Однако люди, оказывается, с самого начала не верили версии о бандитах и знали настоящих убийц, но боялись свидетельствовать об этом.

Спустя три года благодаря усилиям сельского учителя, который вел свое расследование, дело об убийстве молодого бригадира было возобновлено.

Следствие в конце концов установило настоящих убийц и мотивы убийства.

Выяснилось следующее.

Воровство и присвоение колхозного добра местным начальством в то самое время, о котором идет речь, приобрели невероятный размах, несмотря на суровость тогдашних законов.

Безнаказанность для него стала нормой. Власти повыше то ли не знали, что делается на подвластных им территориях, то ли знали, но бездействовали сознательно.

В этой ситуации бригадир в силу своей природной честности взвалил на себя тяжелейшую и опаснейшую роль правдоискателя.

Он решил найти и разоблачить тех, кто ворует общественное добро.

Как он считал, он знает, как найти ключ к разгадке тайны. И он его нашел.

Ключ оказался в его руках очень просто.

Стояла летняя пора. Август. На токах полным ходом шел обмолот зерна, который в ту пору выполняли вручную.

Обмолоченное зерно полеводческий бригадир каждый день сдавал на склад, получая взамен копии накладных от заведующего складом.

Он как-то обратил внимание на то, что вопреки каждодневным поступлениям количество зерна на складе увеличивается непропорционально.

«Тут что-то нечисто», — подумал он и решил проверить, насколько верны его предположения.

Он обратился к бухгалтеру и, сославшись на то, что не знает, куда подевал свои копии накладных, попросил его подсчитать, сколько зерна он сдал на склад за прошлую неделю.

Услышанное от бухгалтера ошеломило его. По накладным, поступившим в бухгалтерию со склада, получалось, что зерна принято почти в два раза меньше того количества, о котором свидетельствовали накладные, находившиеся в его руках.

Бригадир понял, что ведется двойная бухгалтерия: копии его накладных уничтожаются и заменяются подложными, а зерно разворовывается.

«Они так поступают со всей продукцией, которая сдается на склад», — резонно заключил он.

Он понял также, что заведующий складом один не смог бы пойти на такую аферу. Следовательно, у него есть сообщники, причем весьма важные по местным масштабам. Ему, однако, и в голову не могло прийти, что в афере участвуют все фигуры колхозной верхушки.

Поскольку он этого не предполагал, а найти виновника-злодея — это его задача, то он по своей наивности в присутствии председателя колхоза, парторга, председателя ревизионной комиссии дал понять, что располагает доказательствами о разворовывании зерна нового урожая.

Его спросили, что это за доказательства.

Он сказал и тем самым собственноручно подписал себе смертный приговор, ибо все присутствовавшие без исключения были участниками аферы.

Они для виду похвалили бригадиром за его бдительность и пообещали вместе с ним разобраться, как такие дела вообще возможны.

Они поняли между тем, насколько для них опасен этот бригадир-правдоискатель, ибо прекрасно были осведомлены о законах военного времени, которые были беспощадны к расхитителям общественной собственности.

Местный триумвират при участии заведующего складом разработал план уничтожения бригадира.

В один из поздних вечеров бригадиру предложили съездить и проверить сведения о том, что на участке вдоль Большой реки неизвестные

люди под покровом ночи обмолачивают колхозные скирды.

Это было предложено.

С учетом расстояния до указанного участка задание могло быть выполнено бригадиром где-то ближе к полуночи.

Назад бригадир мог вернуться лишь одной дорогой.

В самом начале этой дороги, у последнего дома, которым село кончалось, аферисты решили подстеречь свою жертву.

Тот летний вечер оказался последним в жизни правдоискателя-романтика.

Бандитствовавшие члены колхозного триумвирата наконец-то были избалованы и осуждены на десять лет каждый.

Поговаривали, что заведующий складом, который, между прочим, приходился якобы родственником убитому, наказания каким-то образом избежал.

Буйный

Представьте себе высокую, намного выше среднего человеческого роста, каменную ограду, замыкающую внутренний двор, столь характерный для традиционной архитектуры горцев Северного Кавказа. Как собственно ограда выстроены лишь две ее стороны, с двух же других сторон она отходит от задних стен дома, примыкая к которым, создает закрытое пространство. Подобные внутренние дворы служили для разных целей в многообразной жизни горцев.

Этим вечером внутри ограды, образуя круг, возбужденно суетятся одни мужчины — кто с веревкой, кто с палкой.

Посредине, фыркая и шумно дыша, с задиристым напряженным хвостом, из стороны в сторону мечется Буйный, не понимая, чего хотят эти незнакомые люди и почему они ополчились против него. Ведь он сделал все так, как было заведено. Наступил вечер, и, насладившись продолжительным летним днем, сочными альпийскими травами, свободой, он вместе со всем стадом вернулся домой, к хозяину. А тут вот тебе: его окружили какие-то странные незнакомые, шумят, угрожающе размахивают веревками и

палками, то делают трусливые шаги в его сторону, то с воплями пятятся назад, когда фыркнет, чтобы держались подальше от него.

Судя по характерным внешним проявлениям, так думал Буйный в те мгновения, когда, громко вздохнув, опускал веки, принимая обманчиво-убаюкивающее притворство людей за их решение оставить его в покое.

Буйный слыл сильным и бесстрашным быком. Он никого не боялся. Ни собак, ни волков, ни людей. В многочисленных боях с другими быками неизменно выходил победителем. Громкие и грозные крики, которые он издавал, мощно взбрасывая землю копытами передних ног и чуть ли не упираясь своими короткими и тупыми рогами о землю, наводил ужас даже на смельчаков. Его боялись и люди, знавшие его. И действительно, он мог забодать кого угодно, чьи действия вдруг покажутся ему несущими угрозу. В то же время к хозяевам был привязан трогательно, добродушно-мягким басом откликался на их голоса. Очень любил лакомиться хлебом из рук хозяев, требуя еще и еще и норовя лизнуть своим длинным шершавым языком лицо угощающего. За свой непокорный и гордый нрав он и получил имя-кличку Буйный.

Однако пришло время — и Буйный был обобществлен и зачислен в общественное, коллективное стадо.

Его перестали пускать домой, к хозяевам, которые его любили, ласкали, вкусно угощали.

От этого временами его охватывала тоска, и он, улучив момент, по старой памяти устремлялся к себе домой, к добрым, внимательным хозяевам, которых помнил постоянно.

Вот и на этот раз, воспользовавшись невнимательностью пастуха, гнавшего все стадо на общую ферму, он пошел хорошо известной ему дорогой прямо к хозяйским воротам, осторожно толкнув рогами, открыл их и очутился на своем привычном для этого времени месте.

Вопреки заведенному и хорошо ему знакомому порядку его никто не встретил ласковым голосом и обязательным угощением.

Раздосадованно постояв некоторое время, он степенно опустился на колени передних ног, затем, по очереди подбирая задние ноги, сел, со свистом выдыхая горячий пар из широко раздувавшихся ноздрей.

Но блаженствовать в расслабленной, беззаботной позе с полужакрытыми глазами, жуя жвачку, ему пришлось недолго.

Вдруг стали доноситься какие-то незнакомые голоса и нервный топот ног, которые становились все ближе и ближе. Вот и сами люди.

Увидев их, Буйный тут же вскочил на ноги. Он почувствовал, что эти люди ничего доброго ему не сулят.

И в самом деле это было так. Люди пришли за ним. Обобществленный, он должен был быть на колхозном дворе.

Так как все были наслышаны о его непокорном норове, то за ним пришел чуть ли не целый отряд молодых мужчин во главе с самим животноводческим бригадиром.

Им предстояло накинуть на беглеца веревку и на привязи проводить его на новое место, туда, где держали колхозных быков. А для этого надо подойти к животному близко и привязать веревку к рогам.

Но сделать это не просто. Каждый из пришедших уже неоднократно пытался подойти к нему, но Буйный не подпускал никого.

Как только заметит приближающегося, он делал энергичное движение вперед и, мотнув головой, так фыркал, что все мигом шарахались в разные стороны.

Это повторялось много раз.

Убедившись в собственном бессилии, люди решили припугнуть его ударами палок.

Однако эффект получился противоположный. Разъяренный бык с разбегу так поддел и подбросил одного из незадачливых нападавших, что тот тяжелым мешком упал аж метрах в трех от быка. Тут нападавшие как будто озверели и стали бить его палками со всех сторон одновременно.

Буйный с ревом вертелся в этом дьявольском круге, защищаясь как мог...

Как раз в это самое время вернулась домой куда-то отлучившаяся его хозяйка, которая была совершенно не в курсе того, что происходило.

Увиденное глубоко потрясло ее.

— Что вы делаете, бессовестные? — вырвалось у нее. — Вы что, не видели животного? Есть ли бог над вами?

— Мы хотели накинуть на него веревку и отогнать на колхозный двор, — сказал старший из бесчинствовавших.

— А зачем бить животное?

— Он не дается иначе.

Хозяйка с негодованием посмотрела на толпу, которую назвала толпой дикарей, и, вырвав веревку из рук старшего, уверенно подошла к животному, узнавшему ее по голосу. Ласково приговаривая, погладила его по шее, по спине и лбу, узлом накинула мягкую веревку на рога, хорошо закрепив ее. Сделав несколько шагов, вручила конец веревки старшему, трусливо стоявшему в стороне, а сама вернулась к Буйному и, с трудом сдерживая слезы, сказала своему любимому и гордому животному: «Иди с ними, гордый, и береги себя. Время такое».

Погладив животное по спине, уже бывшая хозяйка бросила: «Отведите! И не избивайте животное!»

Второй раз Буйный оказался у своих хозяев на рубеже лета и осени.

Ноги сами несли его туда.

В то же время он совершенно не мог понять, почему любимые его хозяева отвернулись от него, беспричинно бросив его.

На новом месте его не любили, подвергали побоям по всякому поводу и без повода. Он ненавидел новое место и этих чужих людей.

Бывшая хозяйка, увидев неприкаянного Буйного, опять расстроилась. Ей было до боли в сердце жалко его. Она своим чутким глазом заметила, что гордый, непокорный Буйный надломлен, затравлен и унижен. Она с трудом сдерживала слезы, не могла удержаться от проклятий:

— Пусть постигнет Божья кара тех, кто вогнал тебя в сиротство!

Она зашла домой, взяла щепоточку соли, половинку хлебца, очень напоминавшего по форме колесо арбы, вернулась к своему любимцу и стала угощать его, ласково приговаривая. В то же время она понимала, что поступает, может быть, неосмотрительно. Лучше бы животному отвыкнуть от хозяев, забыть их. Но не могла ничего поделать с собой: очень жалко было животное.

Закончив угощение, хозяйка обратилась к Буйному:

— Ну, пора к себе, — сказала она, поглаживая животное сначала по спине, затем почесывая ему лоб, подбородок, грудь.

И они пошли — хозяйка впереди, Буйный — сзади.

Дойдя до летней колхозной фермы, расположенной сразу за сельским кладбищем, она, отодвинув плетенку, освободила проход за ограду, загнала туда Буйного, закрыла проход той же плетенкой и с тяжелым сердцем пошла назад.

Прошло месяца два. Стоял октябрь. До зимы достаточно далеко, но вместе с тем было уже прохладно.

В один из таких дней хозяйка, как всегда, утром рано отправилась в сарай.

Подошла к двери и остолбенела: у входа в сарай, как-то странно раскинув ноги, лежал Буйный. Она подошла к нему совсем близко и, наклонившись, решила погладить ему лоб.

Буйный был мертв...

Она не смогла сдержать слезы.

Потом стали собираться люди. Что-то громко обсуждали, упоминая Буйного.

Но Буйный их не видел и не слышал...

Заботливый сын

Мать ждала возвращения сына из армии. Последний, третий, год службы близился к концу. Не просто ждала, а все время, пока сын служил, старательно готовилась к его свадьбе, сыграть которую считала необходимым почти сразу по его возвращении, не откладывая в долгий ящик. Так поступали и соседи, так что она просто не могла планировать по-другому. К тому же ей и самой нужна была помощница по хозяйству. Она стала стара, устает. Старшие дочери давно замужем, у них свои семьи, дети, им не до нее.

Третий год истек незаметно, и сын вернулся домой, в сержантской форме, подтянутый, красивый — одно загляденье.

Невесту нашли быстро. Засватали, как положено. И шумно, как это принято, сыграли свадьбу.

Свадьба прошла. Шум улегся.

Невестке дали достаточно много времени, чтобы освоиться в новой семье.

Родственники молодых побывали друг у друга в гостях, на званых обедах.

Пришло время возвращаться к обычной жизни.

В один из вечеров, после ужина, когда вся семья вместе, никуда не надо спешить и никто не мешает, мать говорит:

— Вот, дети мои, я рада вашему счастью. Хочу, чтобы вы всегда были счастливы. Но жизнь — это труд. Время года — горячее. Как говорят, один летний день всю зиму кормит. Теперь мы с тобой, моя дочь, моя невестка, горы свернем вдвоем. Будем делать все, помогая друг другу.

Невестка соглашалась со свекровью, повторяя: «Да, да, мама, конечно».

Вслушав все, сын высказал, однако, свое мнение:

— Мать, ты неправа. Сноха твоя совсем еще молода. Ей предстоит очень много работы впереди. Поэтому ее сейчас не надо перегружать. А ты вот старая. Скоро уйдешь на покой, и ничего не надо будет делать. Тогда ей придется работать и за себя, и за тебя. Так что пока трудись ты, а сноха пусть отдыхает.

Мать внимала сыну с полуоткрытым ртом. Молчала и молодая жена.

Когда сын кончил говорить, мать как-то по-особенному хлопнула ладонями, деланно и громко рассмеялась и встала, вознося хвалу богу за непредсказуемость его воли.

На следующий день содержание этого необыкновенного разговора стало достоянием всех.

Упал в ясли

Где-то ближе к сумеркам вдруг по селу разнесся слух о том, будто какой-то бык упал в ясли, подняться не может, нужна срочная помощь.

Такое вообще-то вполне могло случиться, потому как время было зимнее и скот содержали на стойловом режиме. Но странной была тональность, в которой об этом говорилось, — не то иронично, не то со скрытым злорадством, но без всякого ожидаемого сочувствия к бедному животному.

Тем не менее люди тотчас же устремлялись на помощь бедолаге.

Когда первая группа сердобольных людей прибежала к ферме, у входа № 3 ее со смехом встретила одна из скотниц и так же весело

подвела ее к тем самым злополучным яслям, куда якобы упал бык.

Было темно, никого не видно, но из темной глубины раздавался какой-то негромкий храп. Люди, медленно наклоняясь, стали присматриваться, что же там такое. Как раз в это время кто-то подошел с керосиновым фонарем, и скотница, встречавшая добровольных помощников, захохотала опять.

Когда свет фонаря попал в ясли, изумленные люди увидели там мирно спящего председателя колхоза, который почему-то избрал для отдыха столь неудобное место.

Реакция зрителей была однотипно междометной. Как по единой команде у всех почти одновременно вырвались разные нечленораздельные выражения: Вах!.. Ба!.. Тьфу!.. Боже!.. Что! И т. д.

Председателя быстро извлекли из яслей и общими усилиями, без шума, без особой огласки препроводили домой.

Дело было, оказывается, так.

Председателю нравилась одна из скотниц, женщина видная и симпатичная. После только что закончившейся пьянки по какому-то случаю он решил повидаться с нею. И отправился на ферму, зная, что в это время она должна быть там.

Он застал ее на месте.

Она убирала очередные ясли, чтобы подложить скотине свежего корма на ночь.

Ферма была длинная, а поблизости — никого.

Пожилому Вертеру показалось, что стороннего глаза нет и он вполне может обнять женщину. Он тихо подошел к ней сзади и бросился обнять ее.

Ничего не подозревавшая женщина испуганно крикнула, ловко увернулась и, узнав вероломника, молча побежала к выходу.

Пьяный председатель, с трудом стоявший на ногах, непонятно каким образом угодил в ясли. Там же заснул. Но спать долго ему не дали.

После этого события среди народа довольно длительное время гуляли прибаутки по поводу быка, упавшего в ясли.

Беляк

К нам прислали какого-то очередного председателя. Они у нас менялись очень часто, но раз в год — обязательно. Чем это было вызвано, никто бы не объяснил вразумительно. Скорее всего здесь реальным был один принцип — дать попасться за общий счет родственнику, другу, свату, приятелю какого-либо весомого начальника или же отъявленному взяточдателю.

И на этот раз, как всегда неожиданно, нечаянно, появился новый председатель, кем-то назначенный, но никогда не то что не работавший у нас, но вообще не живший в этих местах.

Это был большой оригинал во всех отношениях.

Ходил он в высокой белой папахе, всегда сдвинутой на одну сторону. За это он получил прозвище Беляк. Оскал его сильно напоминал оскал дремлющей лошади, поэтому трудно было понять, то ли он улыбается, то ли кому-то строит гримасу.

Всеякие собрания любил назначать только ночью, причем чаще всего — ближе к полуночи.

Это необъяснимое влечение к ночным собраниям настраивало против него почти всех.

Раз, когда зимней полуночью он возвращался домой, его хорошенько закидали замерзшими кизьяками, и это надолго отбило у него желание по ночам беспокоить людей.

В один из своих руководящих дней, утром, он решил пригласить на аудиенцию для дачи какого-то важного указания старика плотника, шутника и смельчака, который, по всеобщему признанию, никого не боялся независимо от высоты его чиновничьего места.

Так вот старик плотник вошел в прокуренное конторское помещение, поздоровался с присутствовавшими, откровенно сморщившись, тем самым показывая свое неприятие конторской атмосферы, и сообщил, что он явился, как было предписано.

Председатель, ерзя за столом, изложил суть своего пожелания, приказав старику привести в рабочее состояние серединную мельницу.

Старик плотник, ничего не говоря, выслушал председателя, так же молча встал с места. Вытянувшись, вскинул голову, указательным и большим пальцами правой руки приподнял свою

верхнюю губу и стал шлепать ею о нижнюю губу, производя какие-то нечленораздельные звуки: бу-бу-бу! Сделав это, развернулся и ушел.

Председатель возмутился:

— Ба! Как это? Что он сказал?

Далее последовала непредусмотренная чиновником немая сцена.

Председатель даже не понял, что жест старика плотника был спровоцирован чиновничьей этической глухотой.

Старик уже давно не работал, хотя по собственной инициативе помогал всем нуждавшимся, включая и колхоз. Только по собственному желанию, но не по приказу.

В пасти змеи

Мы с мамой шли по не очень оживленной горной дороге, которая вела к колхозным фермам в горах. Было около середины почти жаркого летнего дня. Мама тихим голосом напевала какие-то старинные песни, которые мне казались жалобными и печальными. Сама мама, наверное, так же воспринимала их, это видно было по ее настроению и влажным глазам.

Вдруг мама резко схватила меня за локоть и произнесла: «Подожди! Будь осторожен!» Сама огляделась, высмотрела небольшой продолговатый камень и направилась к обочине дороги, заросшей травой. Потом подозвала и меня:

— Смотри. Вот нечисть какая!

Я подошел и увидел спокойно растяннувшуюся змею длиной немного больше полуметра, с непропорционально широкой пастью, переходившей в такую же широкую шейную часть, а из пасти торчала половина с задними ножками заглатываемой ею лягушки.

Я всегда боялся змей, а тут стало просто жутко.

Передо мной живо предстала картина мучений бедолаги лягушки, когда она почувствовала смертельную опасность неожиданной встречи, ужас страха, которого она натерпелась.

И все-таки мне было непонятно, как она позволила змее всосать себя с головой, если могла просто отпрыгнуть от змеи. Но видеть наполовину проглоченную беднягу было очень страшно.

Мама подошла к змее совсем близко, а она даже не шевельнулась.

Присев на корточки совсем рядом со змеей и наступив левой ногой на ее хвостовую часть, камнем, который держала в левой руке, мама прижала ее к земле в том месте, где кончалась утолщенная часть ее тела, а правой рукой, взяв за обе задние лапки, извлекла лягушку из пасти змеи.

Лягушка была полностью цела, но мертва.

Змея засуетилась, пытаясь освободиться, стала энергично извиваться в серединной части тела.

Мама быстрым движением положила лягушку в траву у обочины дороги, а сама ловко подвинула камень вперед ближе к голове и продолжала давить змею чуть дальше головы одновременно с хвостовой частью.

Змея открыла пасть, в которой красный тоненький язычок совершал какие-то неупорядоченные движения.

Я беспокоился за безопасность мамы — вдруг укусит змея, в то же время жалко стало и змею.

Я просил маму отпустить ее. Не отпустила.

Сорвав широкий лист какого-то растения, по-моему, молодого лопуха, она мгновенным движением вырвала змею язычок и тут же отпустила ее.

Обернула язычок в зеленый лист, затем все вместе — в носовой платок и положила в карманчик жилета-безрукавки и сказала: «Это на счастье».

А змея тем временем успела скрыться с глаз.

Говорят, что хвосты у них отрастают. Отрастают ли язычки, я не знал.

В первый класс — со скандалом

В первый класс я пошел со скандалом, против воли мамы и школы.

В год, когда очень захотелось в школу, мне к сентябрю исполнялось шесть лет и пять месяцев. А брали в школу с семи лет. Поэтому меня не могли включить в список тех, кто подлежал зачислению в первый класс. Такие списки составлялись в сельсовете. Те, кто попал в список, обязаны были ходить в школу и учиться. Действовал закон об обязательном начальном образовании. Я, естественно, тогда этого не знал. Мне просто очень хотелось в школу.

Еще до начала учебного года, когда ребята, с

которыми я играл, общался, стали готовиться к школе, я просил маму купить мне тетради и другие школьные принадлежности. Мама неизменно отвечала, что я еще маленький. Так и не купила ничего.

Наступило первое сентября. Я встал заранее и был готов к осуществлению своего желания. Но у меня нет ничего к школе. Более того — не пускают.

Наш дом стоял на оживленной улице, и я с завистью стал смотреть на тех своих сверстников, которые шли в школу кто в сопровождении родителей, кто — старших братьев и сестер. Шли почти непрерывным потоком. Детей в селе было много.

Поток кончился. Пошли последние опаздывавшие единички. С ними, махнув на все рукой, даже не позавтракав, побежал и я.

Сидим все в классе. Пришел учитель, молодой человек, имени которого я не знал.

Он пофамильно назвал всех, кроме меня.

Я напомнил о себе. Он ответил, что в списке меня нет, следовательно, мне рано ходить в школу.

Я расстроился, но не ушел из класса, хотя учитель и предлагал.

Так целый месяц каждый день я ходил в школу с пустыми руками, оставаясь никем не учитываемым, не опрашиваемым, как будто меня нет.

Мама в конце концов не выдержала, через месяц пошла в сельсовет, в школу и упросила записать меня в число первоклассников, и сразу появились у меня и тетради, и карандаши, и букварь.

Так я наконец-то стал первоклассником.

Вскоре у нас появился новый учитель. Первого учителя забрали на войну.

Перестраховщик

Кончился последний, четвертый, урок в школе. Ребята из своих классов шумно выбегали в общий коридор с земляным полом, чтобы оттуда первыми вырваться наружу.

Многие радостно выкрикивали: «Домой, домой!»

Выбегая из школы, тут же останавливались, с

любопытством прислушиваясь и присматриваясь к тому, что происходило на улице.

А там, расположившись большим полукругом, собралось много людей.

Перед ними с виновато опущенной головой стояли ученик второго класса, его плачущая мать и учитель родного языка с самоуверенным видом и с какой-то рваной газетой в руке.

Оказалось, дело было в следующем.

Когда мы учились в школе, тетради и книги оборачивали в газету, чтобы они оставались чистенькими и целенькими.

За их аккуратностью следили не только учителя.

В каждом классе была так называемая санитарка, которая каждый день до начала первого урока или перед вторым уроком проверяла не только состояние учебной литературы своих одноклассников, но и то, вымыты ли у них руки, уши, шея и даже ноги, так как многие ходили босиком — обуться во время войны было не во что, нет ли у кого вшей. Да и мыло было редкостью для многих. Стирали, используя древесную золу, или кипятили.

Должность санитарки была предусмотрена в пионерской организации нашей школы. Если у кого-то обнаружится беспорядок, санитарка предписывала исправиться к приходу в школу на следующий день. Вся информация о санитарном состоянии класса в начале урока доводилась до сведения учителя, который подтверждал руководящие указания санитарки.

Так вот драма, которая разыгралась в школе в этот день, была связана с обычаем оборачивать книги и тетради в газету.

В тот момент, когда сосед по парте поправлял газету, в которую была обернута его тетрадь, мальчик, стоявший перед полукругом, нерасчетливо дернул ее, и она порвалась.

Хозяин тетради расстроился и пожаловался учителю, который заметил, что газета порвана именно в том месте, где с внутренней стороны размещалась фотография вождя.

Учитель усмотрел в этом чуть ли не политическую диверсию и отправил мальчика-бедолагу за мамой, чтобы та немедленно явилась в школу.

Мальчик привел маму, увидев которую учитель принародно разорвался, показывая ей порванную фотографию и угрожая тюрьмой:

— Ты знаешь, кто это такой? Ты понимаешь, чью фотографию ты порвал? — крикливо спрашивал он, показывая фотографию то сыну-малютке, то матери.

Те отвечали одними и теми же словами, что это какой-то усатый мужчина.

Услышав такой ответ, многие из присутствовавших смеялись. Это были ученики третьего и четвертого классов, которые знали, кого показывают. Классов старше тогда у нас не было, потому что школа была начальная.

Учитель еще больше распалялся:

— Только враги и предатели рвут его фотографии! — повторял он. — Сейчас же вызову милицию! Пускай разберутся, кто вы есть!

Все это услышал только что подошедший седой старик плотник, приглашенный в школу для ремонта двух сломанных парт.

Поняв, в чем дело, старик обратился к учителю безлично, произнося слова очень громко и медленно:

— Чего же ты распетушился? Откуда неграмотная женщина может знать, что пишут и рисуют в ваших газетах? Если мальчик не знает чего, так ты научи. На то ты учитель, а он ученик. А просто так не приставай к ним. — Сказал это и вошел в школу.

Учитель, проводив старика злым взглядом, закончил:

— Идите!

И удалился в школу.

Дерзость

Люди уже с самого раннего утра шепотом с волнением делились друг с другом известием о невероятно дерзком, как им казалось, случае, который имел место в их районном центре прошлой ночью.

При этом трудно угадывалось, какими чувствами вызвано это их волнение, — то ли огорчением, то ли злорадством, то ли страхом, потому что рассказывали друг другу о невероятном событии как-то отстраненно. Но то, почему они говорили шепотом, не нуждалось в объяснениях.

— Слышали, что рассказывают?

— А что рассказывают?

— О памятнике. Как обошлись с памятником.

— Нет, ничего не слышали.

— Как! О, ужас!.. Чего только не творят люди. Говорят, — при этом непременно оглядывались, как бы проверяя, не слышит ли кто-нибудь лишний, — что люди видели своими глазами, как сегодня ранним утром на вытянутой руке памятника висело ведро, наполненное нечистотами...

Дело оказалось в том, что типовой памятник с вытянутой рукой стоял на повсеместно типичном для него месте, перед соответствующим учреждением. Какой-то человек, неизвестно по каким побуждениям под прикрытием ночи, пришел к памятнику с полным ведром нечистот и, повесив его на вытянутую правую руку памятника, скрылся.

С рассветом люди увидели это раньше, чем успели заметить наверху.

Почему-то никаких разбирательств не было. Дело благоразумно замяли. Как будто ничего и не было.

Люди же простые оценивали поступок по-разному. Одни — со смехом покачивали головами, другие — называли его недостойным.

Кончилось!

Как всегда по воскресеньям, когда уроков нет и в школу ходить не надо, мама на рассвете разбудила меня и стала собирать в районный центр, который стоял в шести километрах от нашего села, — за хлебом.

Я учился в пятом классе.

Шла одна из послевоенных зим.

С хлебом было плохо, его просто не доставало.

В райцентре была пекарня. Свежеиспеченный хлеб с совершенно божественным, непередаваемым запахом каждый день женщины на себе в мешках доставляли из пекарни в хлебный магазин к открытию.

В магазине его разбирали очень быстро. Поэтому надо было заранее занять очередь, иначе хлеба не купишь.

Так вот мама меня торопит, чтобы я поскорее пустился в путь-дорогу, а я всячески тяну время в ожидании полного рассвета.

Мне было страшно в такую рань оказаться в дороге одному. Вдруг нападут волки. Я слышал,

что зимой они бывают голодными, злыми и могут наброситься на людей.

Я и в самом деле боялся, но признаться маме в этом было почему-то стыдно. К тому же я знал, что она ответит. Она, подбадривая меня, полшутя сказала бы, что мужчины не должны бояться ничего, трусить — это дело женское.

И сборов-то особенных не было. Надо просто одеться и отправиться в дорогу.

Мама вручила мне шесть рублей на две буханки хлеба, тряпичный мешочек, чтобы было куда их положить, и, поцеловав, пожелала счастливого пути. Я пошел.

Почти рассвело. Остались позади последний дом села, примыкавшее к нему старое кладбище, и я вышел на дорогу, которая вела в районный центр. Нервно оглядываясь по сторонам, иду быстрым шагом, бегом преодолеваю участки дороги в оврагах, где, как мне казалось, на меня могут напасть волки.

Солнце ярко-желтым светом окрасило вершины гор.

И я — у окошка хлебного магазина.

Страх мой куда-то исчез.

Я у окошка — один. И первый в очереди!

Вокруг не видно никого. Мне стало казаться странным, почему другие люди не идут занимать очередь. Потом я понял, что было слишком рано.

Простоял я один долго. Замерз.

Но вскоре согревающие солнечные лучи опустились на село. Мне стало тепло и даже потянуло ко сну.

В это же самое время и люди стали собираться у окошка магазина. Много людей. Образовалась огромная толпа. В какой-то момент мне показало даже, что меня могут раздавить.

Наконец окошко открылось, оно было чуть выше моей головы.

Я с ужасом стал чувствовать, что меня сильно прижимают к стене, оттесняя то в одну, то в другую сторону. Давили с трех сторон — сзади, прижимая к стене, слева и справа.

Все кричали с трех сторон, обращаясь к продавцу по имени.

Пошла бойкая торговля.

Запах свежеиспеченного хлеба, как легкий туман, проносился по толпе.

Продавец через мою голову брал деньги у всех, но моих шести рублей, которые я, стоя на цы-

почках, держал перед его носом, не замечал. По примеру тех, у кого он брал деньги, тоже обращаюсь к нему по имени. Никакой реакции. Я с надеждой поднимал голову на взрослых дядь и тетю в ожидании, что они подскажут продавцу, чтобы он взял и мои деньги. Среди покупателей мелькали и знакомые мне лица.

Но нет. Никто — ни слова, как будто меня нет, хотя стою тут же, первым.

Прошло минут тридцать. Оставалось всего несколько человек.

Вдруг слышу окрик продавца: «Все! Хлеб кончился!»

Я продолжаю держать свою руку с шестью рублями в окошке. Продавец, высунув голову из окошка, повторил еще раз: «Кончилось! Хлеба нет! Убери руку!» В этот момент я увидел его красное потное лицо, которое мне показалось озлобленным. Окошко захлопнулось.

Мне было очень обидно. Я почувствовал, что по щекам моим большими круглыми каплями медленно катились горячие-горячие слезы, хотя я и не плакал.

Я быстро вытер их кулаком, чтобы никто не увидел, и с понурой головой отошел от окошка.

Постоял в стороне некоторое время, не зная, как быть. Ведь мама, сестры, брат ждут меня с хлебом. А его нет. Для меня не хватило.

Постоял еще немного.

И пустился в обратный путь. Светило яркое солнце. Стало совсем тепло. Я уже никого не боюсь. Только обидно за несправедливость. Шесть рублей, сложенные вчетверо, так и остались в моей руке.

Роды в одиночестве

Я вернулся домой с улицы разгоряченный только что закончившейся игрой в прятки и разбойники. Было далеко за полдень. Ни на веранде, ни в проходной комнате, где мы чаще всего проводили время, никого не было. «Дом пуст», — подумал я.

Но вдруг из дальней комнаты, дверь в которую была закрыта, донеслись громкие стоны.

Эта комната у нас считалась гостиной. В ней почти всегда лежал большой домотканый ковер со множеством разноцветных, симметрич-

но повторяющихся рисунков и узоров геометрических форм. Мы с братом очень любили кувыряться и бороться на нем. Он был толстый и потому падать на него было не больно, но даже приятно. В комнате у стены напротив окна, выходявшего на улицу, стояла деревянная кровать-тахта, на которую укладывали гостей. Обычно на ней спал папа, пока его не взяли в армию. Почти год шла война. Мы каждый день ждали его стука в окно, чтобы открыть ворота и впустить его домой.

Именно из этой комнаты и раздавался стон. Я сначала испугался. Потом медленными, тихими шагами подошел к двери. Приоткрыв ее, крадучись, заглянул в комнату.

Увиденное очень огорчило меня. На земляном полу ковра не было. Мама стояла на коленях, качая головой из стороны в сторону и машинально вскидывая ее, стонала и, сдерживаясь с трудом, рыдала.

Я вошел в комнату и, почему-то держа указательный палец во рту, остолбенело уставился на маму. Я ничего не понимал.

Мама, заметив меня, сквозь стоны, с усилием, как мне показалось, преодолевая себя, произнесла: «Уходи, уходи, уходи!»

Но я продолжал стоять. Мне жалко было маму, и я не мог оставить ее в таком состоянии одну.

Вдруг мама поднялась на ноги. С трудом передвигаясь, сделала круг по комнате, не обращая на меня внимания. И остановилась почти на том же месте, на котором стояла на коленях.

Я замечал каждое мамино движение. Мне показалось, что она села на корточки, расставив ноги. В этот момент совершенно неожиданно для меня что-то появилось на полу и почти мгновенно пронзительно закричало. Чуть позже я увидел и лужицу крови рядом.

Приговаривая «мучительница моя несчастная», мама стала что-то делать, используя ножницы, странным образом тут же оказавшиеся на полу.

Что делала мама, я не видел, потому что я оказался за ее спиной. Не поворачиваясь ко мне и продолжая стонать, мама попросила меня бежать к старушке, которая часто бывала у нас дома, и позвать ее.

Я в то же мгновение отправился к старушке.

Она откликнулась без промедления.

Когда мы с нею вернулись, мама была в постели.

Так через два месяца после того, как отца взяли на фронт, родилась моя младшая сестра, которую мы все очень любили и которой не суждено было увидеть отца.

Спасительное жало

Рано, где-то около половины седьмого утра, нас разбудили безобразно грубые мужские окрики, сквозь которые прорывались с трудом сдерживаемые женские всхлипывания.

Всхлипывания принадлежали маме. От обиды, от невозможности противостоять откровенной наглости. И от безысходности.

Стояла горячая летняя пора жатвы. Колхозные бригады по своему обыкновению утром рано ходили по дворам, шумно и обязывающе напоминая, что пора выходить в поле. Продвинуть жатву с утра, пока не жарко.

Все общественное и личное хозяйство держалось в те годы на женском и детском труде.

Мужчин в деревнях не было. Они были на войне, на фронте. Как и наш отец.

Исключение составляли колхозные и вообще сельские чиновники, хитростью, подкупами и обманом освобождавшиеся от воинской обязанности. Якобы по плохому здоровью... По непригодности к строевой службе... Хотя упитанные и усатые были, как осенние крысы, и здоровые — как молодые буйволы.

От армии они отлынивали по-разному, каждый по-своему.

Так, говаривали, один из них, полеводческий бригадир, в день, когда по повестке должен был прибыть в райцентр для прохождения военкоматской комиссии, запустил себе в пах пару пчел.

Эти пчелы, почувствовавшие, что их подлым образом посадили в какую-то странную западню, так наказали хитреца, что тот перед комиссией даже не мог переставлять ног из-за разросшейся мошонки, превратившейся в непристойно торчавший тугой мешочек.

Правда, при этом погибли и сами невинные пчелы, как бывает всегда, когда пчелиное жало остается в жертве.

Комиссия то ли по неграмотности, то ли по каким другим причинам результат пчелиных укусов приняла за особенную и невиданную грыжу, несовместимую с призывом в армию.

Решила дать обманщику белый билет... Вынесла соответствующее решение и оформила его в виде справки.

Между тем через несколько дней мошонка оправилась от пчелиных укусов.

Бригадир так и остался бригадиром.

Но об участии пчел в решении его, «защитника отечества», личных вопросов благоразумно старался не вспоминать. Очень хотел скрыть свою тайну от всех. Вопреки распространенной мудрости о шиле, которого не утаишь в мешке.

Верно и то, что с тех пор некоторые женщины с юмором, бывшие в курсе личных дел бригадира, при случайных встречах не без ехидства, но подчеркнuto трогательно, как бы участливо интересовались его здоровьем.

Тому вопросы не нравились. Они злили его.

Так вот этот бригадир и кричал в то утро.

— Ты недостойный трус! У меня четверо сирот, которых почти не вижу вот уже чуть ли не месяц, — причитала мама. — Они завшивели. Нужно хотя бы вскипятить их рубашки, чтобы вши не съели их. Отец их защищает родину, а не болтается по улицам, как ты, сидя на шее у несчастных вдов!

Бригадир не ждал такой ярости.

— Я тебя прикладом прибью, уничтожу, кулацкое отродье! — закричал он.

Услышав угрозы, мы по-настоящему испугались за маму. Он действительно был с каким-то ружьем, дрянь такая...

— Попробуй, смельчак среди слабых! — мама сделала шаг навстречу, принимая вызов.

Бригадиру пришлось ретироваться. Все-таки жена фронтовика. Побоялся применить насилие.

Мама, конечно, в тот день никуда не пошла вопреки всем бригадирским угрозам.

Раз за весь месяц устроила выходной день.

И мы наслаждались этим днем.

Он для нас стал праздником! Днем с мамой!

Повесилась...

Теплый июньский день близился к концу. До заката оставалось, может быть, часа два. Улицы были тихи и совершенно безлюдны. Лишь изредка доносилось то удалявшееся, то назойливо близкое жужжание слепня, совершавшего какие-то странные выражи.

Тишина стояла, как на старом заброшенном кладбище.

Вдруг она взорвалась криками женщины, которая объявилась невесть откуда и шла по направлению к центру села.

По этим крикам понять что-либо было трудно. Потом, постепенно, они обрели некую протяжно-мелодичную форму плача-причитания.

Плача-причитая, женщина то вздымала руки кверху, как бы пытаясь сорвать платок с головы, то опускала их до колен.

Это были жесты, которыми сопровождались плачи по трагическим событиям.

Так оно и оказалось.

В действительности случилось вот что.

На северной окраине села в предпоследнем доме жила старушка, женщина добрая, отзывчивая, тихая, богобоязливая и с достоинством, хотя и потрепанная нуждой, с заметно поколебленной верой в справедливость.

Жила одна. Как ворона, по ее же словам.

Год назад ей сообщили, что второй ее сын тоже погиб на фронте.

Сама она читать и писать не умела. Поэтому, когда ей сказали, что погиб и второй ее сын, то она то ли поверила услышанному, то ли продолжала надеяться на Бога, неизвестно.

Но с тех пор люди видели ее редко. Она ушла в себя, замкнулась. Выходила из дому лишь по острой необходимости: к роднику за водой или чтобы выразить боль знакомым, получившим очередную похоронку...

Так она и жила изо дня в день. Одна. Полузаброшенная. С постоянным ощущением голода, ибо есть было нечего. Она и не помнила, сколько дней не видела ни куска хлеба. Неоткуда было ему взяться.

Станным было то, что иногда она явственно чужая завораживающий запах свежего хлеба, которого не было и в помине. Запах по воспоминанию. Это еще сильнее обостряло в ней

чувство голода, и в таких случаях она по обыкновению обращалась к Богу, подтверждая свою покорность его воле.

Так же было и на этот раз, когда по привычке сидела на ступеньке лестницы просто так, от нечего делать.

Дверь внутреннего двора, ведущая на улицу, была открыта. Она закрывала ее лишь по ночам, на всякий случай. Мало ли что может быть? И сейчас вот открыта. Что толку, что открыта? Никто в нее не входит, кроме нее самой.

И вдруг, о боже, в двери показался соседский ягненок-сирота (его так и звали — Сирота). Старушка хорошо знала его, ручного, — такой ласковый, симпатичный и совершенно привыкший к людям.

Переступив через порог, ягненок остановился, огляделся и прямым ходом направился к старушке.

Старушка между тем почувствовала некое замешательство от пока смутно овладевших ею противоречивых побуждений.

Первое ее побуждение было поласкать доверчивое животное и выпроводить его в дверь, чтобы оно отправилось к своим хозяевам.

В то же время она была так голодна, так дико хотелось есть...

— Вот тут и ягненок... Едва ли кто видел, как он вошел сюда... — Она старалась отогнать эти не совсем ясные, но явно греховные мысли.

— И опять же, это — жертвенное животное, — успокаивала она себя, сглаживая замышляемое ею собственное, как ей казалось, предательство по отношению к доверчивой сиротинушке, которой жизнь дарована также Богом.

— В то же время, может быть, Бог и направил его ко мне... — оправдывалась она.

Тут старушка как бы впала в какое-то полубезумие. По-дикому забила бедное животное, по неопытности учинив над ним произвольную расправу.

Как и что делала, она не помнила, но очнулась лишь тогда, когда учуяла потрясающе сильный и неопишимо вкусный аромат ягнятины, которую она поставила варить в самую дальнюю от внутреннего двора комнату.

Она не предусмотрела, однако, того, что запах свежего мяса окажется таким сильным.

Ей от этого стало очень даже страшно.

— Вдруг по запаху уличат ее? Вот позор будет... Срамотище... Лучше смерть тысячу раз! Не дай бог! Не приведи, господи! — твердила она себе, зачем-то выходя во внутренний двор.

— О, господи, твоя воля, — вздохнула она, машинально подняв голову к небу.

В этот самый момент старушка услышала с улицы голос соседского мальчишки, который громко звал пропавшего ягненка.

— Все... Настал час позора, — подумалось ей, и она нервно забежала по двору, забыв обо всем.

Взгляд ее остановился на валявшейся у стены веревке, с которой она ходила в лес и которой связывала друг с другом две вязанки дров, чтобы можно было нести их на спине.

Она схватила эту веревку и вбежала в сарай, расположенный под жилой частью дома.

И больше оттуда не выходила...

Она повесилась, так и не успев попробовать ягнятины-сиротинушки.

Обнаружила повесившуюся та самая женщина, которая с причитаниями направлялась к центру селения.

Она же была соседкой старушки и хозяйкой ягненка.

Проворовавшиеся

Перед нашим домом был пустырь, напоминавший площадь. От него веерообразно отходили четыре улицы, по обеим сторонам которых, плотно прижавшись друг к другу, стояли дома с плоскими крышами. Этот пустырь и в самом деле служил площадью, на которой выступали канатоходцы, играли свадьбы, проходили шумные собрания, — словом, был самым оживленным местом.

И в это достаточно раннее летнее утро, когда я вышел из дома, на площадке, к которой и примыкал наш дом, шло общее собрание. На нем с шумной, разоблачительной речью выступал председатель сельского совета, усатый мужчина из бывших батраков, которого все считали злым и беспощадным. Он говорил о преступниках, ворующих общественное добро, и необходимости сурово наказать их, вплоть до ссылки в Сибирь.

Те, о ком говорилось как о преступниках, присутствовали тут же. Это были две много-

детные матери, у одной из которых было четверо детей, у другой — пятеро, шестое ее дитя, сын десяти лет, умер совсем недавно, в начале весны, то ли от оспы, то ли от голода, то ли от того и другого вместе. Мужья их воевали, хотя, как некоторые утверждали, и не подлежали мобилизации по обстоятельствам семейного положения как отцы многих детей.

Перед обеими женщинами, специально выставленными для большего позора в центр площади, стояло по одной небольшой торбочке, набитой ржаными колосьями. Эти торбочки и были материальным выражением преступлений жен фронтовиков.

Оказывается, женщины-соседки, не располагавшие ничем, чтобы покормить детей, голодавших не первый день, еще прошлым вечером сговорились перед рассветом прокрасться к колхозному полю, на котором стояла рожь восковой спелости, и нарвать колосьев. Затем их следовало намолотить, насколько это возможно, и зернами же сварить. Получалось нечто вроде каши, которой можно было как-то утолить чувство голода.

Женщины-солдатки так и поступили. Перед рассветом прокрались к вожделенному полю, нарвали колосьев и, удовлетворенные тем, что на сегодня есть чем покормить детей, молча возвращались. Они почти добрались. Еще чуть-чуть — и дома.

Но тут их встретил охранник колхозных полей по кличке Лгун, который прямым ходом повел их в контору сельсовета.

Тотчас же дали знать о случившемся всему колхозному начальству, которое распорядилось немедленно собрать людей на общее собрание, чтобы решить судьбу проворовавшихся. На нем говорил только председатель сельсовета. Все остальные молчали.

К концу собрания за преступницами пешим ходом пришел милиционер из районного центра. Он препроводил их в районный отдел милиции.

Но к вечеру их освободили, и они вернулись к своим голодным детям.

Самое неприятное для них было не пребывание в милиции, не унижительный допрос, а то, что их опозорили перед глазами односельчан, выставив в качестве воровок, которыми себя не чувствовали.

«Невменяемый»

Вселении рядом с нашим несколько военных лет каждый день подряд можно было видеть одну и ту же картину. Мужчина средних лет, в теплые дни — в одной рубашке и сатиновых шароварах, а в холодные — в тех же шароварах и рубашке, поверх которой была накинута овчинка-полушубок, стоял спиной к забору, за которым были расположены разные чиновничьи конторы, а лицом — к столовой на другой стороне оживленной улицы. Стоял, опираясь на палочку, неуверенно. Ступни ног были обмотаны в какие-то тряпки. На стену столовой он наклеивал купюру достоинством в один рубль, предварительно обслюнявив ее, а затем бил ее камнями. Некоторые из прохожих из сочувствия давали ему в руки по рублю, по три рубля. Он молча, безучастно принимал их. Но потом опять продолжал свое привычное занятие, на которое все окружавшие смотрели как на чудачество человека, лишившегося рассудка. Так и говорили. Ибо все помнили его совершенно здоровым человеком в недавнем прошлом. Однако, когда, каким образом он лишился рассудка, то ли никто не

знал, то ли знал, но считал это хорошо продуманной имитацией, способом зарабатывать на жизнь. Как бы то ни было, сумасшедший время от времени исчезал со своего обычного места. Скорее всего он возвращался домой по нужде или пообедать, затем снова заступал на свое место и так же усердно продолжал колотить камнями по бумажному рублю.

Люди, милиция к этому привыкли. Они просто сочувствовали больному.

Однако, как выяснилось позже, это была игра отчаявшегося человека. Он придумал такой странный способ «зарабатывать» на жизнь, не попрошайничая. Он ни у кого ничего не просил. Более того, забрасывал камнями то, что ему давали в виде милостыни.

Он не просил, но ему как юродивому давали почти все. В этом было его секретное оружие. Если бы он стал просто попрошайничать, то едва ли мог бы найти отклик у каждого.

□

Замир Курбанович ТАРЛАНОВ

родился в 1936 г. в Дагестанской АССР.

*Доктор филологических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ и КАССР,
заведующий кафедрой русского языка ПетрГУ,*

*лауреат Государственной премии Республики Дагестан
в области естественных, общественных наук и техники за 2007 г.,*

член Совета по русскому языку

при Президенте (Правительстве) РФ (1996-2003),

член Союза писателей России,

председатель секции критики Союза писателей Карелии (1988-2002).

*Автор 25 монографий и около 300 статей по русскому языку,
общему языкознанию, фольклору, русской литературе, литературной критике.*

Ряд работ по русской паремологии и творчеству

Н.С.Лескова, Р.Гамзатова переведен на французский и др. языки.

В «Севере» печатается с 1971 г.

